

Бремя сверхдержавы

Подготовка к Пленуму нарушилась международным кризисом, точнее взорвалась одним из самых суровых испытаний за годы холодной войны. Мы его называли Карибским, американцы – Кубинским.

Карибский кризис – пример того, какие неожиданные извивы порой претерпевает мировая история. Я подробно расписал все, что знал о кризисе в «Рождении сверхдержавы», здесь же позволю себе высказать лишь общие соображения о самом кризисе и сопутствовавших ему обстоятельствах.

Что россияне знали о Кубе, когда 27-летний Фидель Кастро с горсткой сторонников в июле 1953 года штурмовал полицейские казармы и тем самым возвестил о начале своей революции? Ничего. Почти ничего. Мои познания о будущем «Острове Свободы» исчерпывались «Островом сокровищ» Роберта Луиса Стивенсона, одноногим и одноглазым пиратом Билли Бонсом, охотящимся в далеких теплых морях за сокровищами какого-то капитана Кидда, и его попугаем, периодически орущим: «Пиастры!».

Куба настолько не интересовала Советский Союз, что при наличии «полномасштабных» дипломатических отношений и посольства в Гаване его здание последнее десятилетие стояло пустым, без посла, без штата и даже без дворника. На дверях посольства висел отнюдь не символический замок. Наверное, в КГБ не теряли Кубу из вида, но верха не запрашивали информацию о происходившем на острове. Возможно, кубинские коммунисты делились своими соображениями с инструкторами Международного отдела ЦК, но те не делали большой разницы между Кастро и правившим на острове диктатором Батистой, оба они – ставленники капитала и американские слуги.

Когда в январе 1959 года Кастро и его повстанцы захватили Гавану, мнение о них не изменилось: «Наймиты американского капитала и, наверное, агенты ЦРУ».

На мой взгляд, отношения Кубы и США очень напоминали отношения Польши и России. Маленькая, гордая и самолюбивая нация, попираемая нависающим над ней могучим соседом, не беспокоящимся, как его действия воспринимаются копошащейся у его границ «мелкотой». У уязвленного соседа, будь то Куба или Польша, доминирует стремление доказать невозможное: свое с ним «равенство». Этот комплекс со временем становится доминирующим в национальном самосознании.

Здесь очень многое зависит от поведения сверхдержавы, от мудрости ее руководства. После того как осенью 1959 года президент США Эйзенхауэр отказался ради приехавшего в Вашингтон Фиделя прервать партию в гольф и перепоручил переговоры с ним вице-президенту Ричарду Никсону, чем уязвил Кастро в самое сердце, между Гаваной и Вашингтоном пробежала черная кошка. Куба стала все заметнее отворачиваться от США, искать поддержку на стороне. В геополитических реалиях холодной войны никто никогда не отказывал в помощи тому, кто хотел насолить своему врагу. Этого нехитрого правила придерживались обе стороны: и Советский Союз, и США. Поэтому мы, Советский Союз, тут же предложили кубинцам свое оружие, оставшиеся от войны, танки Т-44 и еще кое-что.

Дальше – больше. Куба из случайно встретившегося на мировом перекрестке попутчика постепенно превращалась в приятеля. Еще не друга, но уже и не чужака. Кастро стал идолом советской молодежи – молодой, бородатый, бросивший вызов мировому злу. Однако серьезные политики сомневались, судьба Кубы висит на волоске, американцы не потерпят своеволия, прихлопнут Фиделя как муху. Я очень переживал за Кастро и кубинцев и как-то спросил отца: «Почему бы нам не пригласить кубинцев в Варшавский пакт, тогда американцы поостерегутся напасть на них».

– Куба далеко, – как бы раздумывая, начал отец, – коммуникации слабые, их контролирует американский флот. Если США атакуют остров, мы не сможем их защитить своими танками, как, скажем, Чехословакию или Венгрию. Сразу придется пускать в ход ядерное оружие, а это приведет к страшным разрушениям для нашей собственной страны. Рисковать судьбой советских людей ради Кастро, который, мы даже не знаем, как поведет себя в таких условиях, неразумно и даже преступно.

Я очень расстроился. Мы отдавали Кастро его и его бородатых героев на растерзание американцам. Однако умом я понимал: отец прав, логика геополитики на его стороне.

Так продолжалось до 17 апреля 1961 года, когда американцы высадили на Кубе бригаду кубинцев-антикастровцев. Им предписывалось захватить ближайший аэродром, объявить себя правительством «свободной» Кубы и призвать на помощь регулярные войска США. Однако случилась осечка, нападавшие завязли в болоте, народ, на которой они без каких-либо на то оснований рассчитывали, выступил против них, вторжение провалилось.

И вот тогда Кастро сделал шаг, в корне изменивший всю геополитическую ситуацию. Он заявил, что не просто поддерживает Советский Союз, а считает себя членом мировой социалистической семьи, нашим союзником наравне с Польшей и Болгарией. Отец попал в затруднительное положение. Страна, претендующая на звание мирового лидера, сверхдержавы, обязана защищать и защитить своих союзников, друзей, клиентов, где бы они ни находились, чего бы это ей ни стоило. Таково простое геополитическое правило, ему неукоснительно следовали президенты США, не мог его игнорировать и Хрущев.

После апреля 1961 года Куба для Советского Союза становилась аналогом Западного Берлина для США. Если отвлечься от симпатий и эмоций – абсолютно бесполезный экономически и стратегически, клочок земли внутри полностью контролируемой противником территории. Удержать его без риска ядерного столкновения невозможно, так же, как невозможно уступить. Союзники, друзья, клиенты тут же утратят к тебе всякое доверие. Сдав одного, ты при случае сдашь и остальных. А потерявшая «лицо» сверхдержава больше не сверхдержава. Потому-то американские президенты без колебаний подтверждали директиву – в случае атаки Берлина Советской Армией без промедления нанести ядерный удар по ее тылам.

Столь ли необходимо государству «лицо»? Может ли оно существовать без «лица»? Может, «безликих» стран в мире множество. Однако эти страны без претензий на великодержавность. Россия же, еще со времен побед над Наполеоном, иначе чем великодержавной страной себя не мыслила.

В начале XX века мировыми лидерами считались Британская империя с Французской Республикой, а набиравшая мощь Германия оспаривала у них этот титул. Все закончилось мировой войной, так и не выявившей окончательного победителя. Спор продолжился и привел ко Второй мировой войне с теми же участниками, вот только наряду с Германией о своих амбициях заявила еще и Япония. Естественен дилетантский вопрос: «А где же Россия – Советский Союз и Соединенные Штаты?» Ведь именно они оказались истинными победителями. После войны – да, а вот перед войной на сверхдержавность они не претендовали. США – вследствие своей традиционной политики изоляционизма, а Сталину хватало своих внутренних противников, от Троцкого до Тухачевского.

В результате Второй мировой войны расклад сил резко поменялся, из борьбы выпали не только побежденные Германия с Японией, но и ослабевшие победители Великобритания и Франция. В мире осталось два лидера – США и СССР, и теперь они делили этот мир. Борьба шла не столько между коммунизмом или капитализмом, как мы привыкли считать, сколько между двумя геополитическими соперниками. Раньше такое соперничество не обходилось без определявших победителя войн. Но ядерное оружие, настолько разрушительное, что любая победа обернулась бы поражением, сделало войну бессмысленной. Никто и никогда не начинал войну, заранее зная, что он потеряет больше, чем приобретет. На смену войнам пришли кризисы, а сама война стала называться холодной, войной без войны. Очень удачное, на мой взгляд, определение.

Две державы претендовали на мировое лидерство, вот только экономика США тогда раза в три превосходила экономику СССР. Американцы отказывали нам в признании равенства на мировой арене. Как в таких случаях поступают мальчишки на школьном дворе или лоси на лесной опушке в период осеннего гона. Соперники демонстрируют серьезность претензий на лидерство, готовность сразиться, но ограничиваются демонстрацией силы и предпочитают разойтись миром. Правда, миром получается не всегда, единственная ошибка может стоить жизни кому-то одному, а то и обоим. Соперничество в холодной войне мало чем отличалось от баталий, происходящих в школьных коридорах и на лесных полянах. Только в отличие от лосей, сверхдержавы рисковали не ветвистыми рогами, а судьбами человечества.

США проводили собственную и в своих интересах политику: не признавали существования просоветской Германской Демократической Республики, с помощью морских пехотинцев устанавливали свой порядок в Ливане и Ираке и в Юго-Восточной Азии. Советский Союз в ответ на силовые акции США немедленно и демонстративно задействовал свою военную машину. В обеих странах газеты заполнялись статьями с агрессивной риторикой, американцы призывали на службу резервистов, Советский Союз начинал военные маневры у самых границ и на территории своих союзников. Иногда американцы отступали, как это случилось в 1958 году в Ираке, иногда стороны находили иной компромисс. Но СССР не удавалось добиться главного: признания Соединенными Штатами своего равенства.

Политика кризисов развивалась по нарастающей, раз от раза противостояние становилось все опасней. Конечно, можно не рисковать и отступить в сторону. Собственно, так и поступают проигравшие в схватке, уходят в тень, зализывают раны и предвкушают реванш или, потеряв лицо, навсегда растворяются в небытии. Найдется немало людей, считающих, что жизнь в небытии и спокойнее, и привольнее. О вкусах не спорят.

Геополитика остается геополитикой при любой идеологии и при Александре I – императоре, и при Никите Хрущеве – секретаре ЦК КПСС. Отец, как и российские императоры, не сомневался: Российская, Советская сверхдержава своих союзников не сдает! Вот только защитить Кубу от американцев в середине XX века – задача потруднее, чем освобождение болгар от турок в последней четверти XIX. Болгария располагалась под боком, за Дунаем, а до Кубы – 11 тысяч километров. И все морем-океаном.

По мере того как рассеивались последние сомнения в решимости американцев устранить Кастро «хирургическим» путем, отец все сильнее мучился раздумьями, как нам убедить кубинцев от гибели и самим не споткнуться, не погибнуть в ядерном столкновении сверхдержав.

– Если американцы решатся на атаку Кубы, то на наши протесты в Совете Безопасности ООН они и внимания не обратят, – разъяснял мне отец. – Помочь кубинцам войсками мы тоже не в состоянии, американцы перережут коммуникации, а те наши соединения, которые мы сможем заранее доставить на остров, пропадут вместе с Фиделем. Без подвоза снарядов,

горючего и всего прочего им долго не продержаться. Надо сделать что-то такое, что привело бы американцев в шок, показало бы: сунетесь на Кубу – пожалеете.

Так, в мае 1962 года возник план установки ядерных ракет (стратегических и тактических) на Кубе, как сигнал Белому дому, что мы готовы защищать эту страну от них не менее решительно, чем они – Западный Берлин от нас. Собственно, никакого иного выбора у отца и не было.

В Президиуме ЦК его поддерживали, 27 мая 1962 года все дружно проголосовали «за». В советском руководстве понимали, поджечь хвост, сдаться – означает не только потерю Кубы, но всех позиций в мире, завоеванных за прошедшие годы. Засомневался только Микоян, риск ему представлялся излишним, а если без риска позиции не отстоять, то бог с ними, с позициями. Однако настаивать на своем Анастас Иванович традиционно не захотел, оставшись в одиночестве, расписался «за».

Операция «Анадырь» – установка на Кубе баллистических ракет средней дальности Р-12 и Р-14, размещение сопровождающего им 50-тысячного контингента сухопутных сил, усиленного тактическими ядерными ракетными установками – началась в июле 1962 года и прошла чрезвычайно успешно. Три месяца, до середины октября, ЦРУ, несмотря на все старания, не удавалось ничего разнюхать. Да и в октябре, когда баллистические ракеты уже практически обрели боеготовность, американский самолет-разведчик У-2 раскрыл секрет лишь из-за разгильдяйства какого-то лейтенанта, не замаскировавшего установщик и заправщик ракет.

В понедельник 22 октября 1962 года с обращения президента Кеннеди к американскому народу начался Карибский кризис – самый опасный международный кризис XX века.

Смертельно опасная кульминация в длительном противостоянии сверхдержав могла произойти где угодно, по какому угодно поводу: вокруг Берлина, на Ближнем Востоке или в Юго-Восточном регионе, но не могла не произойти. То же, что это произошло в девяноста милях от американской Флориды, – географическая случайность и гримаса судьбы, а то, что мы все едва не сгорели в ядерной перестрелке – результат смертельного испуга, паники американцев. Ни отец, ни остальные члены советского руководства такого и представить себе не могли. Они рассуждали исходя из собственного, европейского исторического опыта и протекающей из него логики: американцы превосходят нас в ядерном потенциале примерно в девять раз, а по носителям и того больше. У них от полутора до двух с половиной тысяч стратегических бомбардировщиков. И 154 (по другим источникам – 163) межконтинентальные ракеты, около двухсот ракет средней дальности в Европе на базах в Англии, Италии и Турции против пары десятков янгелевских Р-16 и шести корольевских Р-7. Конечно, и три десятка ракет могли разрушить три десятка городов, но прибавка к ним еще сорока стартов, двадцати четырех – Р-12 и шестнадцати – Р-14 (столько собирались установить на Кубе) не могла изменить баланса сил. Поэтому, считал отец, ничего страшного не произойдет; узнав о ракетах, американцы пошумят, побузят, обидно все-таки, что Куба стала теперь неприступной, а Кастро «в угол» не поставишь. Пройдет пара месяцев, и обе стороны вернуться к настоящему важным делам: запрещению ядерных испытаний, Европейскому урегулированию, решению проблем в Азиатско-Тихоокеанском регионе, всему остальному.

Так рассуждал отец. Так рассуждал бы на месте отца и любой другой европейский политик. Политики, как все остальные люди, опираются на исторический опыт своих, а не чужих стран. Россия на протяжении веков жила в соседстве с врагами на своих границах. Печенегов сменили монголы, монголов – литовцы, поляки и шведы. С юга грозили татары с турками. Потом появились немцы, англичане, французы с Наполеоном и без него. И снова немцы, сначала кайзер, затем Гитлер. После Второй мировой войны место немцев заняли американцы. Они разместили свои военные базы вдоль наших границ, чем доставляли советскому руководству и советскому Генштабу массу хлопот, их боялись и старались по возмож-

ности нейтрализовать, но никто не паниковал: враги на границах – часть каждодневного бытия. Таковы реалии жизни. Они, безусловно, представляют опасность, и следует делать все, чтобы противник на нас не напал. Это и есть главное предназначение внешней политики и главная забота политиков. Народ же, привыкший, что враг всегда «у ворот», особого беспокойства не высказывал, люди жили своими, сегодняшними проблемами.

Свое видение окружающего мира отец проецировал на американцев, нацию с совершенно иной историей, иным менталитетом, нацию, отгороженную от серьезных врагов барьером Атлантического и Тихого океанов. Американцы впадали в панику от одних слухов о появлении во время Второй мировой войны немецких подводных лодок неподалеку от восточного побережья США и всерьез опасались высадки японцев с воздушных шаров на западном. Они придерживались ничего не имеющей с реальной политикой догмы: если у кого-то есть оружие, способное поразить их, то этот некто его обязательно применит, нажмет кнопку, независимо от политической, стратегической и иной целесообразности.

В отсутствии всякой логики присутствует своя логика, порой недоступная окружающим. Следуя этой своей логике, американцы до смерти перепугались запуска советского спутника в октябре 1957 года. Они на полном серьезе верили, что вслед за запуском спутника русские стрелянут по ним своей пока единственной ракетой. Зачем? Почему? Специфическая логика не только не требовала ответа на эти вопросы, но и не предусматривала самих вопросов. Вот и теперь, услышав от своего президента, что враг у ворот, советские ракеты стоят на Кубе, американцы пришли в страшное волнение, как мыши потащили в открытые под домами щели и убежища припасы: воду, домашний скarb. Нация зашла в пароксизм страха. А тут еще пресса поддавала жару, рисовала красочные картинки «конца света», одну ужаснее другой. Карибский кризис – это на сто процентов психологический кризис, кризис американского самосознания, пораженного открытием, что теперь они стали уязвимы, как и все остальное население земного шара, что и на их головы могут посыпаться бомбы, как они сыпались на головы лондонцев и ленинградцев, что и они могут погибнуть. Психологический кризис иррационален по своей природе. Американцы любой ценой, даже ценой своего собственного существования, стремились избавиться от советских ракет на Кубе, но никто не заикался о межконтинентальных ракетах, базировавшихся на советской территории. Подлетное время ракет с кубинских и советских пусковых установок различалось всего минут на двадцать. Рассуждая логически, они представляли для американцев одинаковую опасность, независимо от места размещения – в районе Сан-Кристобаля или Твери. Но все дело в том, что паника и логика понятия несовместимые. Как невозможно логическими доводами остановить несущуюся на вас толпу, так и в Карибском кризисе логические доводы не работали.

К такому развитию событий, а именно к нелегким переговорам под давлением обезумевшей нации оказались не готовыми ни Белый дом, ни Кремль. Миру повезло, что оба лидера, и Кеннеди, и Хрущев показали себя людьми ответственными. И, я скажу, мудрыми, они не позволили стихии увлечь себя, закрутить в водовороте эмоций, откуда имелся только один выход – на тот свет. Они проявили стойкость и трезвость мышления, поторговавшись, сошлись на компромиссе, достигли соглашения. Карибский кризис разрешился к взаимному удовлетворению: США обязались никогда не покушаться на Кубу, а Хрущев, после того как они исполнили свое предназначение, забрал ракеты домой в Россию. Обе стороны могли считать себя победителями, но на самом деле выиграл весь мир, все мы. Мы остались живы.

Чем отличается Карибский кризис от всех предшествовавших ему кризисов? Почему он превратился в главное событие холодной войны? Да все потому же. Потому что, я позволю себе повториться, это американский кризис, в котором граждане США впервые ощутили себя не зрителями, а участниками событий. Берлинские и все иные кризисы происходили где-то там, в неосязаемом далеке. Даже если ядерная война вспыхнула бы в Европе, русские и немцы поубивали бы друг друга, заодно уничтожили бы французов с англичанами, чужие

жизни по заокеанским понятиям невелика потеря, американцы, как и раньше, наблюдали бы за драчкой со стороны, в крайнем случае поучаствовали бы в ней своими экспедиционными силами. Теперь же впервые в истории они оказались в эпицентре кризиса. Есть от чего сойти с ума, и они сошли с ума. Именно американцы с перепуга довели Карибский кризис до высшей стадии кипения, подвели его к грани ядерной войны, и именно для них он стал главным событием века.

Одновременно Карибский кризис – последний в противостоянии двух сверхдержав и только потому, что стороны поняли: они на самом деле стали столь могущественны, что способны уничтожить и самих себя, и все человечество. В процессе разрешения Карибского кризиса, несмотря на то что Советский Союз вывел ракеты с острова, страна наконец-то добилась признания Америкой равенства в мире, пусть пока только в разрушительной мощи. И добился этого не Хрущев, на него работала вся американская пресса. Телевидение, газеты так запугали американцев, что после Карибского кризиса они уже не воспринимали никаких доводов об американском военном превосходстве. Им повсюду, вопреки логике, мерещились советские ракеты. Хотя, конечно, логика логике – рознь. Согласно арифметической логике, ей обычно следуют генералы, США превосходили СССР по количеству ядерных зарядов до самого конца 1960-х годов, следовательно, выходили из гипотетической войны победителями. Слава богу, в те годы политики руководствовались иными критериями, рассчитанную Комитетом Начальников Штабов плату за «победу» тридцатью-сорока миллионами жизней своих сограждан американский президент Кеннеди, так же, как и его предшественник Эйзенхауэр, считал неприемлемой. Того же мнения придерживался и отец. В результате стороны «сбалансировались». Генералы не соглашались, но их мнение тогда во внимание не приняли.

Итак, кризис завершился и, как случается с любым знаковым историческим событием, со временем начал обрастать мифами. Историческая мифологизация так же естественна, как и сама история. Она отражает состояние здоровья нации. Величие Америки, сила духа американской нации в том, что любое важное для них событие автоматически обретает мировое звучание. Мировое лидерство Америки зиждется на способности превратить свои ценности в мировые, неважно, в политике ли, в искусстве, не навязать, а именно превратить. И естественно, что в наиболее драматичном эпизоде холодной войны – Карибском кризисе американская нация не могла и не хотела уступить лавры победы или даже разделить их с кем-либо. Чтобы добиться необходимого результата, крайне важно «правильно» подобрать факты, соответствующим образом расставить акценты. У американцев получилось. Их интерпретация Карибского кризиса стала общепринятой.

Мифологизация Карибского кризиса особенно активно начинается с 1968 года, когда Роберт Кеннеди вступил в гонку за Белый дом и ему потребовался имидж жесткого и бескомпромиссного политика. Помощник президента Джона Кеннеди и один из руководителей избирательного штаба кандидата в президенты Роберта Кеннеди Теодор Сорренсен рассказывал, как он лепил этот имидж. Началось с книги воспоминаний Роберта «13 дней» о бессонных октябрьских ночах в Белом доме. Роберт Кеннеди, видимо, описал происходившее там слишком правдиво, а для избирательной кампании требовался совсем иной Кеннеди. Сорренсен считал мемуары Кеннеди наивно-мягкими, недостойными кандидата в президенты.

За «такого» американцы не проголосуют. В отредактированной им версии «воспоминаний» переговоры, торг и договоренность двух мировых лидеров, Никиты Хрущева и Джона Кеннеди, подменялись «ультиматумом». Выдвинутым кем? Естественно, Робертом Кеннеди. Достигнутый компромисс заменен «поражением и трусливым отступлением СССР под давлением американского превосходства» и так далее. В современной американской исторической литературе эти, и не только эти, несуразности нашли свое отражение, но уже

после того, как в сознании нации сложился стереотип. Да и мало кто читает все эти ученые книжки.

Каковы же основные контуры американского мифа о Карибском кризисе? Недалекий советский лидер Хрущев, посчитав на переговорах в Вене американского президента Джона Кеннеди слабаком, которым можно манипулировать, решил изменить в свою пользу баланс ядерных сил. Поэтому-то он и установил свои ракеты на Кубе. Но не на того нарвался, президент Кеннеди пригрозил ему «железным американским кулаком», Хрущев струсил, капитулировал, убрал свои ракеты с острова, и за это его сняли с работы, уволили в отставку. Беспроигрышный, многократно апробированный голливудский сценарий о супермене, который поначалу во всем уступает многократно превосходящему его отрицательному персонажу, а затем вдруг преобразается... Ну а дальше все понятно. Если нет – сходите в ближайший кинотеатр.

Я очень далек от обвинений американских историков в искажении фактов и хронологии. Они соответствуют происходившему во всех деталях, разве что кое-где наведен легкий макияж, подправлены мотивы постановки ракет на острове, а мотивы каждый волен толковать по-своему.

Так в чем же мифотворцы наводят тень на плетень?

После встречи в Вене в 1961 году отец отметил, что новый американский президент по сравнению с Эйзенхауэром не столь опытен, не всегда ориентируется в хитросплетениях мировой политики. Оно и естественно, Кеннеди только заступил на президентство. Ничего большего отец в свои слова не вкладывал. Другое дело, что изоощренные в лести московские «царедворцы» наперебой доказывали, что Кеннеди и в подметки не годится Хрущеву, наш лидер и умнее, и краше американского. Американцы чуть подретушировали в своих интересах славословие советских чиновников, и получилась нужная им завязка Карибского кризиса. Подходящая для мифотворчества, но абсолютно неприемлемая в том, что называется реалистичной политикой. Ни один реалистичный политик в мире не может даже предположить возможность заставить американского президента, неважно, как его зовут, Кеннеди, Эйзенхауэр, Трумэн или Клинтон, плясать под свою дудку. Тут дело не в личности, просто он президент сверхдержавы, и этим все сказано. Реалисту-отцу такое, естественно, и в голову не приходило. Другое дело, что мы имели такое же международное право разместить свои ракеты на Кубе, как американцы свои – в Турции, Италии и Англии.

Другой блок вопросов касается мотивов. Хрущев, как и его коллеги по Президиуму ЦК, утверждали, что цель посылки ракет на Кубу – предотвращение американского вторжения, защита Кастро. Историки-мифотворцы утверждают, что на самом деле советские лидеры попытались таким образом изменить в свою пользу ядерный мировой баланс. Отец, естественно, знал, сколько у американцев стратегических бомбардировщиков и ракет и сколько у нас. Так что о достижении арифметического паритета пока речи не могло вестись.

Подмена мотива постановки ракет на Кубе с защиты острова от агрессии с континента на гипотетический ядерный баланс – важнейший компонент мифотворчества. Без него вся конструкция разваливается. Ведь, если Хрущев забрал свои ракеты с Кубы в ответ на обязательство США оставить Кастро в покое, то он пусть и не победил, но своего добился. Другое дело, если речь идет о ракетном «паритете», тут Советы «проигрывали» вчистую. Вот такая нехитрая механика.

Не стану больше дискутировать о деталях. Подробно историю кризиса я изложил в «Рождении сверхдержавы».

Не пытаюсь оспорить и право американцев на миф. Это невозможно, ибо миф, как я уже писал, отражение духовного состояния нации. Здоровое самоощущение требует безусловной победы над недругами уже потому, что здоровая нация, в ее собственном понима-

нии, несет в мир правду и справедливость. В этом лейтмотив всех американских фильмов, а он тоже отражение здорового духа здоровой нации. Таков закон общественной природы.

В период расцвета Россия, так же, как и Америка, не позволяла себе усомниться в собственном предназначении. Вспомним хотя бы 1812 год, Бородино. «Скажи-ка, дядя, ведь недаром?...» Я, школьник, учил это стихотворение наизусть и вслед за корнетом Михаилом Лермонтовым не мог понять, в чем заключается победа в Бородинском сражении? Российские потери там больше французских, русские войска отступили в Москву, потом и вовсе сдали ее Наполеону. Наполеон обосновался в Кремле. Да, в итоге войну мы выиграли, Наполеон позорно бежал, русские казаки в 1814 году прогарцевали по Елисейским полям в Париже. Но при чем тут Бородино? Только с возрастом я осознал: Бородинская битва – единственное крупное сражение в русском походе Наполеона. До того мы проиграли Аустерлиц и множество других битв. Не могли же мы проиграть и тут, к тому же на собственной территории! Здоровый дух нации требовал победы. Так возник в российской истории миф о победе в 1812 году при Бородино. Так же возник и американский миф о победе в 1962 году в Карибском кризисе, главном событии американской версии истории холодной войны.

Советской же «мифической» версии Карибского кризиса не возникло по двум причинам. В 1964 году Брежнев запретил упоминать о Хрущеве, и положительно, и отрицательно, его исключили из российской истории вместе с самой историей. Как можно говорить о Карибском кризисе без Хрущева? И о кризисе тоже «забыли». Это первое. Второе: начавшееся с 1970-х ослабление российского национального духа в первую очередь проявилось в поведении лидеров дряхлеющей сверхдержавы, они теперь не требовали, они просили. Началось все с Брежнева. Знакомые дипломаты мне рассказывали, как на встрече во Владивостоке Леонид Ильич спросил президента США Джеральда Форда, считает ли тот СССР равным США? Форд кратко и без раздумий ответил: «Нет». Говорят, Брежнев страшно расстроился. Хрущеву бы и в голову не пришло задавать такой вопрос ни Эйзенхауэру, ни Кеннеди, так же, как не стали бы спрашивать Петр Великий шведского короля Карла Двенадцатого или Александр Первый – Наполеона. Силу признают реальной силой, только ощутив ее на себе или представив, каковы эти ощущения. Наверное, со встречи с Фордом и началось скольжение Советского Союза от сверхдержавности к ординарности.

О Карибском кризисе в Советском Союзе вспомнили лишь во времена Горбачева, и не мы сами, а по инициативе американцев. С середины 1970-х годов в США уже выписали основные контуры Карибского кризиса и приступили к детализации, выяснению всех его перипетий, буквально по минутам. Но как сделать это без участия россиян и кубинцев? На конференцию в США командировали к кризису абсолютно непричастных цековских пропагандистов-международников: Георгия Шахназарова, Федора Бурлацкого и историка-латиноамериканиста Серго Микояна, летавшего с отцом в ноябре 1962 года на несколько дней на Кубу. Они легко адаптировались к американской мифологии, и с их легкой руки она сегодня стала доминирующей и в России.

Военные и кое-кто из дипломатов, но особенно ветераны-участники операции «Анадырь», пытаются растолковать российскому обществу, что мы не проигравшая сторона. Бесполезно. Их никто не слушает и не желает слушать. Нации на определенном этапе своего развития испытывают мазохистское «наслаждение» от собственных унижений, реальных или, как в случае Карибского кризиса, мнимых.

Правда остается невостребованной. И останется невостребованной, если самосознание нации не переменится. Что же касается американского мифа, то его опровергать бесполезно, а главное, не нужно, в здоровом теле – здоровый дух. Дай-то бог и российской нации выздороветь.